

**ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ИДИОСТИЛИЯ ТЕКСТА
(на материале стихотворений короля войтылы)**

**Анна Волкова
(Калуга, Россия)**

Статтю присвячено проблемі зв'язку мовної картини світу та поетики твору. На прикладі віршів Кароля Войтили розкривається, як у конкретній мові (у даному випадку – польській) проявляється національна та індивідуальна картина світу.

Ключові слова: текст, мова, ідіостиль, розуміння, картина світу.

Статья посвящена проблеме связи языковой картины мира и поэтики произведения. На примере стихотворений Кароля Войтылы показывается, как в конкретном языке (в данном случае – польском) проявляется национальная и индивидуальная картина мира.

Ключевые слова: текст, язык, идиостиль, понимание, картина мира.

The article is devoted to the problem of the connection of linguistic picture of the world and poetics of a work. On the example of poems of Karolya Voytyly the national and individual picture of the world. is shown in a concrete language (in this case – Polish).

Keywords: text, language, author's poetics, understanding, the image of world.

Постановка проблемы. Текст выполняет не только информативную функцию: часто текст может интерпретировать события, то есть носить герменевтический характер, сам при этом являясь объектом истолкований. Особенно это касается художественных текстов, в которых автор, творя «иную», художественную реальность, отчасти интерпретирует окружающий его мир. В процессе изучения того, каким образом автор текста интерпретирует мир, выделяется оригинальная лингвопоэтическая система, часто называемая идиостилем.

Актуальность исследования. Актуальность изучения идиостиля того или иного автора определяется актуальностью одной из проблем психолингвистики: проблемы соотношения языка и мышления. Одним из основных аспектов этой проблемы является аспект изучения языка текста как способа отражения авторского сознания.

Анализ последних исследований и публикаций. В последнее время появилось большое число работ, посвященных лингвокультурологическим и психолингвистическим проблемам. В частности, статья опирается на исследования интертекста Н.А. Кузьминой, Н. Пьеге-Гро, а также на исследования по проблемам концепта и концептосферы (Ю.Е. Прохоров).

Цель статьи. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, каким образом в языке (идиостиле) отражается авторская картина мира и каким образом эта индивидуальная картина мира связана с национальной картиной мира.

Изложение основного материала. Для выделения и понимания идиостиля важны все компоненты текста: композиция, структура предложений, лексический состав. Анализируя проблематику текста, которая находит выражение в поэтике, в словарном составе текста часто выделяют так называемые «ключевые слова» или «слова-ключи», посредством которых «нам открывается воображение поэта» [6, с.251]. Исходя из этого, единицей идиостиля можно считать слово. Понятно, что в качестве ключевых слов используются слова обыденного, «практического» языка, однако в художественных

текстах эти слова почти всегда наделяются некими дополнительными (коннотативными) значениями, важными для рецепции и интерпретации текста: «существуют индивидуальные коннотации, нерелевантные для «практического» языка, но значимые для художественной коммуникации.... Все ключевые слова идиостиля по определению содержат... уникальный смысл и являются метками, идентификаторами стиля автора, обнаруживающимися в разных его текстах» [4, с.176].

Традиционный подход к переводу основывается на оценке соотношения оригинального текста и текста перевода: как правило, считается, что текст перевода в плане поэтики должен быть если не тождественен, то по возможности эквивалентен оригиналу. Некоторые теоретики и практики перевода настаивают на максимальном сходстве перевода и оригинала, другие говорят о необходимости переводческой интерпретации и экспликации скрытого или затемненного смысла. Но переводчик всегда имеет дело с авторским идиостилем, который нуждается в адекватной трансляции на другой язык, в независимости от степени интерпретации.

Одной из важных практических задач перевода был и остается перевод художественных, в частности, поэтических текстов. Сложность этой задачи связана с материалом: перевод в разной степени, но неизбежно переходит в интерпретацию, которая может менять смысл исходного текста. Идиостиль *отражает* определенную картину мира, представленную сознанию автора и, с другой стороны, *творит* особую картину мира, представленную читателю (реципиенту).

Одной из составляющих картины мира является концептуальная система или совокупность концептов, определяющих восприятие мира и отношение к нему. Феномен концепта как философской – онтологической и гносеологической – категории рассматривался различными специалистами. По Р.Павиленису, концепт – это «смысл, то есть способ задания объекта в мысли...» [5, с.502]. В когнитивных науках концепт обозначал «единицу ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающий знание и опыт человека» [5, с.506]. Всегда подчеркивалось отличие концепта от понятия: концепт представляет собой целостное видение чего-либо, концепт конкретен и многогранен, в то время как понятие – это логическая абстрактная категория. Концепт порождается опытом: «Опыт не может «застыть» в итоговом знании... Суть опыта в том, что он всегда открыт, постоянно обогащается новыми элементами...» [5, с. 510-511].

Обращение к стихотворениям Кароля Войтылы (Папа Римский Иоанн Павел II, 1920-2005) поможет выявить специфику идиостиля, которую необходимо учитывать, например, при переводе. Одна из причин такого выбора – близость польского языка, на котором писал Войтыла, и русского языка, на который осуществляется перевод его стихов.

С одной стороны, национальное проявляет себя в тематике и проблематике такого цикла Войтылы, как, например, «Размышляя: Отчизна...». С другой стороны, национальное начало естественно явлено через язык. Такое проявление сознания через язык связано с понятием языковой картины мира. «Языковая картина мира – явление не столько семантического, сколько вообще ментального характера. Обычно в лингвистике языковая картина мира определяется как модель реальной (и ирреальной) действительности, объективного мира, существующая в сознании человека в отображенном виде посредством семантики (семантических комплексов) языковых знаков» [2, с. 105].

Особенностью любой поэтической картины мира, в том числе и представленной творчеством Войтылы, является ее двойная связь и с картиной мира (с представлением о действительности), и с языковой картиной мира (выражением этого представления). Эта связь обуславливает существование двух компонентов поэтической картины мира [2, с. 106]: вербальный, связанный с языком; невербальный, образный.

Реальность в лирике Войтылы конструируется через вполне конкретный язык, обладающий своей собственной поэтикой. Поэтика польского языка заключается в

«прозрачности» этимологического значения некоторых слов, что способствует более глубокому прочтению текста. Например, в цикле «Размышление о смерти» Войтыла обыгрывает почти одинаковое звучание слов *przeszłość* (прошлое) и *przyszłość* (будущее). Отличаясь лишь одним звуком, эти слова семантически противопоставлены друг другу. Фонетико-семантическая игра важна в контексте размышлений Войтылы об истории человечества и истории (жизни) каждого отдельного человека: обе они вписываются в контекст единой Священной библейской истории греха и искупления. Подобная звуковая (и, соответственно, смысловая) игра при переводе на русский, как правило, теряется: перевод стремится в выражению значений, поэтому чаще здесь используются слова «прошлое» и «будущее».

Другой образ, важный в контексте специфики польского языка, – это образ-символ *перехода*, организующий пространство цикла «Размышление о смерти». Строго говоря, *переход* нельзя называть образом, скорее это некий концепт, который имеет библейское происхождение. Этот концепт является ядром символично-метафорического поля, которое можно обозначить как «символику границы». Концепт перехода реализуется через польское слово и производные от него слова. Здесь важна та семантическая и лексическая замена, которую производит Войтыла. Слово *Przejście* (Переход) появляется во второй части цикла, которая носит латинское название «*Misterium Paschale*» (Пасхальная мистерия). Этим же словом заканчивается цикл, причем в последней строке значение «Перехода» раскрывается полностью: *by stały się wszystkie Twą Paschą – czyli PRZEJŚCIEM* (чтобы все стали Твоей Пасхой – или Переходом). Польское слово, обозначающее Пасху (Воскресение Христово), – *Wielkanoc*. Этимология этого слова ясна («Великая ночь»), и она раскрывает то значение праздника, которое он имеет в польском сознании. Для сравнения: в других европейских языках слово «Пасха» имеет иную этимологию. Так, в английском и немецком Пасха связывается с концептом «восток» (Свет, пришедший с востока), о чем свидетельствуют обозначения *Easter*, *das Ostern*. Войтыла называет Пасху «переход», заменяя одну польскую лексему другой, транслирующей на польский язык еврейское слово «песах», которое также употребляется поэтом. Поэт оставляет семантическое наполнение слова, однако добавляет к нему дополнительное значение, которое важно в контексте всего цикла. Название цикла («Размышление о смерти») указывает на то, что в последующем поэтическом тексте «переход» – это обозначение Воскресения Христова, совершившегося перехода от смерти к жизни. Граница здесь – это сам момент смерти, умирание. Переход этой границы – это Воскресение.

Интеллектуальной поэзии Войтылы присуща сложная метафоризация образа. Метафора для Войтылы является одним из компонентов конструируемой поэтической картины мира: «Если самое слово представляет собой инструмент, с помощью которого человек постигает реальность внешнего мира, то в метафоре он создает из слов реальность своего внутреннего мира» [1, с.141]. При этом «поэзия... пользуется образами и сочетанием идей, которые взяты из мира объективной действительности, а также из запаса человеческих средств выражения, которые частью составляют универсальное наследие людей, частью же – родовое наследие культурных традиций» [1, с.141]. Метафорика лирического творчества Войтылы вписывается в контекст Библии, мистической поэзии Европы, а также в контекст польского языка, обладающего особыми фонетическими, семантическими и синтаксическими возможностями.

На уровне субъектной организации поэтических текстов Войтылы видно пересечение и сложное взаимодействие сразу нескольких «голосов». Особенно интересна такая «встреча» различных типов субъектной организации в цикле «Размышления об отцовстве» (*Rozważania o ojcowstwie*). Если говорить лингвистически точнее, в этом цикле встречаются не различные типы организации текста, но разные местоимения, которые выполняют структуроорганизующие и смыслообразующие функции. Текст строится как повествование от первого лица, как имперсональная лирика, как диалоговая лирика.

Переходы от Я к Ты, от Ты к Он и к Мы выражают суть христианства для Войтылы: христианство – это встреча и диалог, а философия христианства – это философия встречи. С точки зрения отношения «субъект – объект» цикл включает в себя несколько аспектов:

1. Бинарная оппозиция «одинокость (*samotność*) – единение». Она выражается рядом слов-синонимов, также рядом однокоренных слов: *samotny* (одинокий), *samotność* (одинокость), *osobowość* (индивидуальность), *własność* (собственность), *własny* (собственный), *zewnętrzny* (внешний), *wewnętrzny* (внутренний). Как видно, все слова этого ряда характеризуют состояние одиночества, которое понимается как *отделенность*, *разъединенность*.

2. Семантика местоимений.

Текст включает в себя два вида местоименных отношений: Я – Ты, Я – Он. Эти два вида объединяются третьим, наиболее общим, который можно обозначить как «Я – Другой». В тексте отношения Я – Ты предстают как отношения Адама (Я) с Богом (Ты), или шире, как отношения человека с Богом. В то же время Бог – это не только Ты, но и Он. Местоимение «Он» понимается здесь в двух аспектах:

- как нечто обособленное: *ON jest samotny* – Он одинок.
- как часть отношений внутри Святой Троицы: *TY cały pozostajesz tylko w SYNU, a On w Tobie – i cały wraz z nim w WASZEJ MIŁOŚCI, Ojciec i Oblubieniec* (ТЫ весь остаешься только в СЫНЕ, а Он в Тебе – и Ты вместе с Ним в ВАШЕЙ ЛЮБВИ, Отец и Возлюбленный).

Перевод в данном случае должен отражать сложные переходы местоимений от первого лица ко второму и третьему. Эти переходы тавтологичны. С другой стороны, такая повторяемость, замедленность является характерной чертой идиостиля Войтылы: его стихи скорее напоминают размышления, философско-поэтические эссе.

Здесь надо отметить, что понятие диалога тесно связано с понятиями коммуникации и дискурса. Дискурс может рассматриваться как «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими планами» [3, с.264].

Выводы. Все определения дискурса важны для понимания того, что такое дискурс поэзии Войтылы. В отношении этой поэзии дискурс можно понять как особую поэтическую систему, основанную на христианском мировоззрении и мировосприятии. Эта поэтическая система вербализуется в основном через сложные метафоры, нацеленные на построение логических и ассоциативных связей. Кроме того, поэтический дискурс Войтылы принципиально диалогичен: при всей своей внутренней сосредоточенности, внутреннем одиночестве, Войтыла-поэт обращается к Другому как к Собеседнику, который может стать не только переводчиком, но и интерпретатором его поэтического слова. Эта диалогичность дискурса Войтылы восходит к его пониманию христианства: христианство – это общение человека с Богом, Бога с человеком, человека с человеком. Такая диалогичность – тоже характерная черта идиостиля, которая проявляется на уровне целостного восприятия текста.

Перспективы дальнейших исследований. Исследование идиостиля одной поэтической системы позволяет не только увидеть своеобразие того или иного автора, но и сформулировать некие общие принципы работы с текстами, как художественными, так и нехудожественными. Изучение идиостиля подводит к актуальному на данный момент изучению языковой личности и позволяет ответить на вопросы: возможно ли выделение и описание языковой личности; как возможно описать картину мира, представленную человеческому сознанию; каким образом индивидуальная языковая картина мира соотносится с национальной языковой картиной мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайс Меир. Библия и современное литературоведение. Опыт целостной интерпретации. – М.: Мосты культуры, 2001. – 445 стр.

2. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 432 стр.
3. Конявская С.В. Дискурс и жанр в диахроническом исследовании / Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 272 стр.
4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М.: КомКнига, 2007. – 272 стр.
5. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 стр.
6. Iwaszkiewicz Jarosław. Rozmowy o książkach. – Warszawa: Czytelnik, 1983. – 384 s.